

Инструменты. Это был первый шаг. Без соответствующих инструментов нельзя будет переработать руду. Каменные молотки уже являлись привычным для использования инструментом, и что-то вроде наковальни легко могло быть замещено на большой плоский камень. К счастью, ящерицы уже знали, что контакт воздуха с огнем позволяет увеличить температуру и распространить пламя, и такие вещи, как общинные костры были довольно распространенным явлением в ночное время. Создание чего-то вроде печи или духового шкафа по-прежнему было за пределами их возможностей, но я надеялся, что что-то подобное появится в ближайшем будущем.

Это означало, что главный вопрос заключался в том, какой инструмент использовать для того, чтобы держать красный раскаленный металл, который будет легко прожигать чешую и плоть. Что-то вроде щипцов или даже поворотного механизма, который бы позволял щипцам зажимать и отпускать, еще не был известен ящерицам. Когда дело доходило до необходимости схватить предметы, рука была совершенно подходящей, поэтому такие инструменты, которые бы расширили возможности рук, еще не придумали. Независимо от того, насколько сильной была их чешуя, она не сможет выдержать температуру, необходимую для того, чтобы сделать металл податливым, даже такую мягкую руду, как медь.

Я провел день, размышляя над тем, что могло заменить щипцы, в то время как Коллекционер задумался о создании каменного молотка и нашел хороший, плоский камень, который видел в момент своего вдохновения. Тем не менее, я до сих пор не мог полностью раствориться в своих мыслях. Когда Коллекционер провел рукой по относительно гладкой поверхности скалы, я вновь был потерян в вызванном этими действиями чувстве ностальгии. В те дни, когда я был молод, я мог забраться на любую поверхность, к которой получал доступ, соскользнув с которой мог легко поранить свои неприступные мясистые руки. Даже воспоминание о боли и крови было желанным, поскольку оно все еще являлось драгоценным и счастливым воспоминанием.

Несмотря на все воспоминания о моем народе, которые я восстановил, а те немногие, которые я вспомнил про себя, я до сих пор не знал, кем я был. Единственное действительно интимное воспоминание о моем народе было о страданиях и потерях. Лица и даже тела тех, кто окружал меня в моих воспоминаниях, всегда были просто размазанными движущимися фигурами. Я понял, кем они были, что они были такими же людьми, как я, но я никогда не мог хорошенько рассмотреть ни их, ни себя самого. Когда я пытался представить себе, как они выглядели за завесой неизвестности, я мог бы сравнить их особенности с особенностями своих ящериц, хотя я знал, что на наших руках не было никакой чешуи. Облики моего народа и моих ящериц стали еще более неясными, пока продолжал свое вторжение в сильные и чешуйчатые тела. Я упускал из виду то, кем я был. И, возможно, это было хорошо. Исходя из того, что я видел про себя, я вероятно так или иначе не очень сильно любил себя.

На этом я прекратил свой внутренний самоанализ и стал наслаждаться теплом от чешуи Коллекционера, пока тот сидел у костра с близкими друзьями. Они расспрашивали о его энергичном настроении, и он, как мог, попытался объяснить, какой заряд вдохновения он получил от его небольшого куска сияющего камня. Но, не имея возможности самим посмотреть это видение, они испытывали некоторые трудности с его пониманием. Опять же, Коллекционер был снова отдален от других, которые не понимали ни его, ни его видение.

Но на этот раз, он мог показать им то, что видел. То, чему он мог научить их, было чем-то осязаемым, и если у него все получится, он надеялся, что, возможно, эта пропасть между ним и остальными сможет превратиться в связь, которая более тесно сможет его с ними соединить.

Внутри себя он ощущал надежду. Коллекционер мог не просто научиться придавать форму металлу, он мог, наконец, наладить связь с остальными, наладить ту связь, которой, казалось, ему всегда не хватало. Даже если они не разделяли его странных вкусов при украшении дома или его семейных предпочтений, это было именно то, что они могли держать в своих руках...

Его мысли были прерваны внезапным треском костра. Бревно расколосось пополам, вызвав небольшую цепную реакцию внутри древесины, которая отправила искры в ночное небо. Небольшой кусок горящего дерева сбежал из огня, приземлившись рядом с Коллекционером. Он был горячим, но быстро остыл, и судя по его виду, он лишь обуглился, а не полностью превратился в золу. Он уже собирался бросить его обратно в огонь, но в последний момент остановил свою руку. Вернее, я был тем, кто остановил его руку. Чем больше я смотрел на обугленный кусок дерева, тем больше я понимал.

Коллекционер бросал его обратно в костер, потому что он был бы бесполезен при розжиге еще одного костра. Уже обуглившуюся древесину было трудно разжечь, так как древесина не горит дважды. И единственный способ вновь ее разжечь - бросить ее в костер, позволив пламени объять ее, чтобы оно наконец смогло снова ее зажечь.

Но не было ли это как раз тем, что мне было нужно? Обуглившаяся древесина была тем ответом, который я искал. Она, конечно, не была самым изысканным инструментом, но как только они овладеют искусством плавки металла, они смогут делать более совершенные инструменты. Все, что мне сейчас нужно, это катализатор. Поскольку я провел эту связь, так же сделал и Коллекционер. Он повернул теплый кусок сгоревшего дерева в своей руке, еще раз увидев возможности, которые он предлагал.

Вот оно, мы можем это сделать. Все части были собраны, и с наступлением утра начнется настоящая работа.